

Наталья Масальская

Жребий

Книга первая

В осколках темноты

Наталья Масальская

Жребий. Книга первая.

В осколках темноты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67806260

SelfPub; 2022

Аннотация

Следователь столичной полиции Борис Бисаев уже полтора года ищет свою дочь. Аня пропала при невыясненных обстоятельствах. Единственная улика, которая у него есть, – игровой кубик, сделанный из человеческой кости.

От автора: Полицейское расследование больше похоже на игру в «кошки-мышки». Вот только кто кошка, а кто мышка? Полицейский, потерявший дочь, против преступника одержимого игрой.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	17
Глава 3.	31
Глава 4.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Наталья Масальская

Жребий. Книга первая.

В осколках темноты

*О, Боже! Дай мне сил глядеть без омерзенья
на сердца моего и плоти наготу!»*

Ш. Бодлер «Цветы зла»

Глава 1.

Старый фонарь в антивандальной металлической решетке, скрипя и постанывая, раскачивался на длинном проводе, очерчивая на земле мутный круг. Он вытянул ее тонкую дрожащую тень, и через мгновение она снова растворилась в царившем вокруг полумраке.

Тяжело дыша, девушка медленно стекла по выщербленной стене на землю и зажала ладонью рот, пытаясь приглушить порывистое дыхание, с шумом вырывающееся из недр тяжело вздымающейся грудной клетки. Закрыла глаза и прислушалась. Вокруг была лишь пугающая тишина, но ее преследователь рядом, она чувствовала это. Сам воздух был пропитан его незримым присутствием, впитываясь в поры совершенно бесконтрольным ужасом. Не осталось ничего, кроме парализующего ее страха.

– Выходи, дорогая, – раздался совсем рядом его издевательски-спокойный голос. – Тебе некуда бежать.

Она зажала уши руками и зажмурилась. Невольно вспомнила, как играла в прятки с братом. Как сидела в шкафу, за мамиными платьями, скованная волнительным страхом поимки. Но сейчас это был совсем другой страх – едкий, как кислота, которая медленно разъедает кожу, оголяя нервы.

– Ну где же ты? Хочешь поиграть? – эхо многократно

умножало его слова, которые, рикошета от серых полуразрушенных стен завода, сливались в адскую какофонию звуков и еще долго сотрясали воздух.

Как и в детстве ей казалось, что есть только она и ее преследователь. Словно весь мир сжался до размеров шкафа в маминой спальне, в зыбкую преграду из шелка и ситца, что отделяет ее от неминуемой судьбы. Она знала, шанс еще есть. Если она возьмёт себя в руки и побежит... Царапая спину о кирпичи, она медленно поднялась на ноги.

– Вот ты где.

Горячее влажное дыхание коснулось виска, а крупная ладонь с силой прижала вонючую тряпку к лицу. Воздух в ее легких растворился неозвученным криком в пропахшей медикаментами ткани. Тело мгновенно стало бесформенным и тяжелым. Из всех чувств осталось только ощущение туго пульсирующей в голове крови. Темнота.

Борис, опершись руками о раковину, уже несколько минут разглядывал свою измятую физиономию в большом овальном зеркале. К нестройно колотящемуся в горле сердцу подкатила печень, вызывая приступ тошноты. Борис открыл кран, набрал пригоршню воды и, ополоснув рот, снова посмотрел в зеркало. Из-под опухших красных век на него смотрели тусклые глазки. Он поморщился, поскреб ногтями бороду и, не обращая внимания на слабость, залез в душ.

– Ну ты скоро? – за дверью послышался недовольный го-

лос Лариски. — Я из-за тебя на работу опоздаю.

— Выхожу, — проворчал Борис.

Намотав на бедра полотенце, он открыл дверь, в которую тут же скользнула Лариска. Она остановилась в дверном проеме, преграждая ему путь, и положила ладони на его обнаженную, все еще в каплях воды грудь.

— Мог бы меня подождать.

— По-моему, ты на работу опаздываешь, — он взял ее за плечи и, отодвинув в сторону, уверенно прошел мимо нее на кухню.

Борис достал из холодильника полторашку кока-колы и, тяжело опустившись на стул, не отрываясь, выпил почти половину. Измученный сушняком организм требовал влаги, и Борис, смачно икнув, снова присосался к горлышку пластикового баллона. В носу неприятно защекотало. Сознание медленно возвращалось, рисуя в памяти нелицеприятные картины вчерашнего загула.

В ванной выключилась вода, и через пару минут перед ним нарисовалась довольная Лариска. Шелковый халатик, небрежно накинутый на голое, разомлевшее под душем тело, едва прикрывал ее прелести, и Борис, не удержавшись, звонко шлепнул ее по заднице. Лариска подбоченилась и наградила его предупредительно-кокетливым взглядом.

— С такой фигуркой можно и в профессионалки.

Ее лицо тут же потемнело, губы поджались и побелели, а крылья тонкого носа затрепетали от возмущения.

– Ну и урод же ты, Борюсик, – она гордо вскинула голову и, вильнув на прощанье бедрами, стремительно вышла из кухни.

Борису казалось, что он достаточно прямо обозначил границы их общения и категорически не понимал, почему каждый раз с утра ему нужно изобретать все новые способы остаться наконец одному.

В прихожей громко хлопнула дверь. Борис тяжело поднялся со стула. Тело, измученное ночными излишествами, откликнулось на движение влажной слабостью. Он, не спеша, достал из шкафа турку, взял со стола металлическую банку с полустершимся от времени слонем. Пусто. Борис вспомнил, что еще вчера хотел пополнить запасы кофе, но, как обычно, забыл. На такой случай у него был план «Б». Поставив банку обратно на стол, он пошел одеваться.

В Маке, рядом с его домом, продавали довольно сносный кофе. Борису казалось странным общаться с говорящей стойкой, поэтому он каждый раз заходил внутрь.

– Большой американо, – сказал он улыбающейся ему кассирше, и пока она стучала по экрану ручкой, набивая заказ, полез во внутренний карман куртки за портмоне.

Раскрыв кошелек, Борис понял, что на этот раз Лариска выгребла из него все, включая карты. Он мельком взглянул на девушку, которая, заметив его замешательство, еще больше растянула губы в улыбке, терпеливо ожидая оплаты. Борис, стараясь не поддаваться невольной панике, залез в ме-

ленький неприметный кармашек, скрытый под молнией, куда обычно ссыпал мешающуюся ему в карманах мелочь и, перевернув кошелек, высыпал все на ладонь. Очередь за его спиной недовольно задышала. Борис начал не спеша отсчитывать монеты по одной, складывая их на стойке аккуратным каре. Первыми шли несколько затертых желтых десятков, за ними блестящие пятаки, двухрублевки и замыкало шестивие парочка рублей. В его ладони осталась еще пригоршня мелких монет. Их он тоже высыпал на стойку, нарушая четкий строй.

– За причиненные неудобства, – пояснил он, забирая горячий бумажный стаканчик.

На улице он почувствовал себя почти хорошо. Прохладный ветер обдувал воспаленные лоб и щеки, горячий кофе неизменно бодрил. Он сел за руль, поставил кофе в подстаканник, и с размеренной неторопливостью, выработанной в нем преимуществами ненормированного рабочего дня, выехал с парковки.

В отдел Борис приехал ближе к полудню, надеясь, что уже через час под предлогом обеденного перерыва, сможет окончательно поправить здоровье в баре напротив.

В отделении была привычная суета. Коллеги сновали взад-вперед, бросая на идущего вразвалочку Бориса беглые укоризненные взгляды. Не поддаваясь всеобщему ажиотажу, он спокойно дошел до своего кабинета, снял куртку и, набросив ее на спинку стула, с облегчением сел. Тело еще

гудело, приступы холодного потоотделения чередовались со вспышками все не унимающейся головной боли. Он допил остывший кофе, надеясь переключить организм на рабочий режим.

– Тебя шеф с утра обыскался.

В дверном проеме показалась Мария Поликарповна. Облеченная в неизменную шерстяную водолазку и строгую черную юбку, секретарша шефа казалась Борису старой революционеркой-подпольщицей. Иначе как объяснить, что в свои семьдесят она продолжала трудиться на благо Родины. Не только из-за ее возраста, но и в знак какого-то внутреннего трепета перед этой сухой строгой женщиной, он называл ее не иначе как по имени-отчеству.

– Мария Поликарповна, не сделаете мне чашечку кофе?

«Старая революционерка» язвительно поджала тонкие губы, оглядывая его помятое очередной попойкой лицо. Она демонстративно забрала со стола пустой бумажный стаканчик и молча удалилась.

Мария Поликарповна, по непонятным для Бориса причинам, взяла над ним своеобразное шефство и со строгим, но заботливым вниманием матери приглядывала за ним, позволяя иногда не выходящие за рамки дозволенного крошечные послабления.

Борис еще немного посидел и, наконец, поднявшись из-за стола, направился к шефу.

Марии Поликарповны в приемной не было, зато на столе

его ждала чашка только что сваренного кофе. Он осторожно взял ее за самые края, чтобы не обжечься и, не останавливаясь, вошел в кабинет.

Полковник Кривцов, заложив руки за спину, смотрел в приоткрытое окно, из которого не смолкая доносился монотонный гул улицы. Он обернулся на вошедшего Бориса и, безглаголиво скривившись, несколько мгновений разглядывал его. Поджатые губы, заложенные за спину руки говорили Борису, что произошло что-то из ряда вон. Но самоуважение и неоценимые заслуги перед родным отделом научили его держаться уверенно и прямо. Поэтому он со стоическим спокойствием выдержал на себе тяжелый, долгий взгляд шефа и, усевшись в кресло напротив его стола, осторожно отпил из чашки.

– Слушай, Борис, – сдержанно начал Константин Львович, явно преодолевая в себе желание наорать на вальяжно раскинувшегося в кресле подчиненного, – ты хоть представляешь, как сложно мне отмазывать тебя у начальства? Что ты опять вчера устроил? Все как с цепи сорвались. Мылили мне шею с самого утра, – он несколько раз для наглядности ударил себя по затылку ребром ладони и, едва сдерживаясь, отвернулся к окну, снова заложив руки за спину.

Борис отставил чашку на широкий деревянный подлокотник, тем не менее слушал шефа молча, не оттягивая эти предсмертные судороги строгого выговора своими никчемными объяснениями.

Словно что-то для себя решив, полковник снова развернулся к Борису и уверенно подытожил:

– Короче так, либо ты работаешь с напарником, либо пиши заявление. Меня достали неконтролируемые сотрудники в моем отделе.

Борис глубоко вздохнул, хлопнув себя по коленям, медленно поднялся из кресла и направился в сторону двери.

– Черт тебя подери, Бисаев, – выпалил ему в спину шеф, – сядь! Сядь, я сказал, – уже спокойно, но твердо повторил Константин Львович и тоже сел за стол. – Меня уже достали твои выкрутасы. Ты хороший сыскарь. Я и так иду тебе на уступки. Надеюсь, ты это понимаешь. Но сегодня меня поставили перед фактом: либо ты берешь себя в руки, либо...

Он замолчал, многозначительно глядя на вернувшегося на свое место Бориса. Встал из-за стола и, обогнув его, присел на угол, наклонившись к майору. – Думаешь, я ничего не понимаю? Заканчивай уже эту отсебятину. У тебя свои методы, но ты не волк-одиночка, ты работаешь в команде. Я просто хочу, чтобы ты об этом помнил.

– Я смотрю, тебя хорошо обработали, – на полном серьезе ответил Борис, глядя на помягченного шефа.

– Да целый час меня... – шеф изобразил отталкивающегося двумя палками лыжника, а затем махнул рукой и снова вернулся за стол. – Ну не усложняй жизнь ни себе, ни мне. Ты ж понимаешь, они не дадут тебе работать.

Выждав паузу, Кривцов добавил:

– Он хороший парень, только из академии. С красным дипломом, между прочим. Если хочешь, рассматривай его как личного секретаря. Ну а что? С компьютером ты не дружишь, с бумагами у тебя бардак, – заискивающе понижая голос, предложил Константин Львович.

– Личный секретарь, говоришь? – вздохнул, вставая Борис. – Ладно, где он?

– Ну вот и славно, – полковник тоже поднялся и направился вместе с Борисом к двери. – Да, снова девочка пропала. Я знаю, ты заинтересуешься. Дело я пока никому не отдал. Съезди к ней, поговори с родителями. Не мне тебя учить.

– Так что по девочке? – выходя в дверь, поинтересовался Борис, оборачиваясь через плечо к Кривцову.

– А вот он тебе и расскажет. Все у него, – кивнул шеф в сторону подскочившего со стула высокого худощавого юноши.

Тот сделал несколько быстрых пружинистых шагов им навстречу и протянул Борису руку.

– Андрей. Юдин, – добавил он после короткой паузы. – Очень рад знакомству. Очень много о вас слышал. Для меня честь...

Борис, поморщившись, жестом остановил стажера.

– Я понял, – мрачно протянул он, медленно направляясь в сторону своего кабинета под одобрительным взглядом полковника Кривцова.

До кабинета шли молча. Андрей много раз слышал о про-

зорливости и профессионализме майора Бисаева, впрочем, как о его пьянстве и скверном характере. Он хотел показать себя с лучшей стороны, и сейчас его распирали энергия и жажда действия. Юдин семенил рядом с Борисом, заглядывая ему в лицо, надеясь на беседу, но угрюмый вид патрона удерживал его от необдуманного шага.

– И где мое место? – Андрей медленно прошел до середины кабинета и остановился.

В настежь открытое окно врвался назойливый шум улицы, разбавляя прокуренный воздух удушливым запахом выхлопных газов. Кабинет казался лишенным всякого уюта. От всех вещей за версту несло казенщиной. Большой шкаф для одежды на входе, пара разномастных шкафов для бумаг, металлический шкаф для документов в углу и стол, над которым висел черно-белый портрет Дзержинского – все было словно с чужого плеча, словно натаскано из разных кабинетов, владельцам которых эти вещи оказались не нужны.

– Да хоть вот здесь, – Борис прикурил и указал рукой с дымящейся в ней сигаретой на подоконник, рядом с которым стоял плохонький стул со стопкой бумаг. – Заодно и дела в порядок приведешь, – пояснил он, проследив за взглядом напарника.

– Но это унизительно, вы не находите? – совершенно растерявшись, ответил Андрей.

– Согласен, – Борис затянулся и, выпустив в открытое окно струю дыма, воткнул окурок поверх других, плотно на-

битых в большую стеклянную пепельницу. – Ты же на испытательном сроке? И потом, ты же сыщик, зачем тебе стол? Жопу просиживать? Ладно, ты пока устраивайся, я сейчас, – и вышел.

Без хозяина, наполненный недружественным шумом улицы и горьким табачным дымом, кабинет стал казаться совсем чужим и холодным. Андрей невольно почувствовал себя сиротой. Та удача, которую он не раз за сегодняшний день поблагодарил, стремительно оборачивалась для него усмешкой судьбы. Ведь чтобы попасть именно к Бисаеву, ему пришлось надавить на отца, чего он категорически себе не позволял. Путь назад отрезан, значит, нужно идти вперед. Парень опустил на пол свою сумку и не без опаски осмотрел гору документов, занимающих единственный свободный стул. Он аккуратно примостил их к стене рядом с батареей. Освободив себе место, Андрей наконец сел и, сиротливо ежась, еще раз окинул взглядом кабинет.

– Ну, что там по девочке? – спросил вернувшийся Борис. Он уселся за стол и поднял глаза на стажера.

Андрей наклонился к своей сумке, вытащил из нее тоненькую пластиковую папку.

– Пострадавшая Николаева Светлана, пятнадцать лет.

– Юдин. А не тот ли это Юдин, что нашего Кривцова друг закадычный? – беспардонно перебил его Бисаев.

Андрей опустил руку с листком на колени и поднял на майора упрямый взгляд.

– Вы правы, генерал Юдин – мой отец, – коротко ответил он, пытаясь поскорее вернуться к делу, но Борис снова прервал его:

– Понятно.

– Что вам понятно? – сам того не ожидая, вспыхнул Андрей и тут же уткнулся в заявление, чувствуя, как жаркая волна заливает его щеки и ключицы. Тонкий листок в его руке дрожал от напряжения, чем явно наслаждался внимательно изучающий его Бисаев. – Простите, – вымученно произнес он, когда в голове перестало шуметь.

– Ладно, сыщик, поехали, – усмехнулся Борис и, прихватив сигареты и куртку, направился к двери. Туда же, вскочив со стула, устремился Андрей.

Глава 2.

Вход в длинный обшарпанный коридор преграждал валяющийся прямо на пороге синий велосипед.

– Сейчас, – немолодая хозяйка в выцветшем стеганом халате засуетилась, убирая его с дороги.

Наконец прислонив велосипед к стене, она близоруко посмотрела в раскрытое удостоверение Бориса и, нервно кутаясь в ворот халата, отступила назад.

– Проходите.

Вслед за хозяйкой мужчины зашли в кухню и, стряхнув с предложенных им стульев крошки, сели, наблюдая, как женщина суетится, стараясь навести хоть какую-то видимость порядка.

– Пожалуйста, сядьте, – не выдержал Борис, и хозяйка как по команде опустилась на колченогий табурет, положив сковородку с остатками жареной картошки себе на колени. Она вцепилась взглядом в Бориса, ожидая вопросов.

– Когда вы видели дочь в последний раз?

При словах «последний раз» хозяйка снова принялась терзать ворот халата и, сморщив лицо в страдальческой гримасе, тоненько запричитала:

– Так неделю уж.

– Неделю? Ваша дочь неделю не была дома, и вы заявили

о ее пропаже только сейчас?

Слова Бориса заставили мамашу еще сильнее сморщиться.

– Так ведь это... Она и раньше уходила. Я думала...

– Когда видели ее последний раз?

– Так это... – ее руки снова забегали по вороту халата, а на лице поселилась блуждающая нервная улыбка.

– Витька, – вдруг неожиданно громко крикнула она в темноту коридора и снова виновато заулыбалась полицейским. Через минуту на пороге появился худенький мальчик лет десяти в застиранной майке и вытянутых на коленках трико.

– Чего? – ноющим голосом протянул мальчишка, разглядывая мужчин и нервно косясь на мать.

– Сестра твоя когда последний раз ночевала? – строго спросила она.

– Так двадцатого, – страдальчески проблеял он и неуклюже выставил вперед правое плечо, будто защищаясь.

– Ладно, иди. Уроки делай, – добавила мать строго.

– Сделал уже, – протянул Витька, смущаясь.

– Иди, сказала, – отмахнулась она.

– Ладно, понятно, – отрезал Борис, поднимаясь. Андрей подскочил следом. – Комната ее где? Без сына найдешь или позвать?

Женщина вдруг выпрямилась, и на ее еще недавно податливо-услужливом лице появилась гримаса брезгливости.

– А ты меня не учи. Я их, между прочим, одна воспиты-

ваю, — ее громкий визгливый голос вонзался в воспаленный мозг Бориса ультразвуком. — У самого-то, наверное, детей нет, — снова скатываясь на плаксивость, закончила она, не выдержав строгий немигающий взгляд следователя.

Через минуту они стояли посреди пыльной, плотно обставленной комнаты. С кровати, словно застигнутый врасплох кот, соскользнул уже знакомый им Витька и мгновенно юркнул в щель между матерью и дверным косяком. Борис молча закрыл дверь, оставляя обескураженную мамашу снаружи.

— Итак, что скажешь? — посмотрел он к стоящего посреди комнаты Андрея. — Удиви меня, Чудо-Юдин.

Андрей принялся осматривать комнату, предпочтя не заметить издевки в голосе патрона.

— Дети буквально обитали здесь, — рассуждал он. — Это даже не бардак, это воронье гнездо. Похоже, они тащили сюда все что ни попадя.

Андрей поднял с кровати девочки голую Барби с нарисованным под глазом финалом — похоже, брат постарался. Положив куклу на место, продолжил медленно двигаться по комнате.

— И пылища.

Провел пальцем по полке над единственным здесь письменным столом. В воздух взвились тысячи пылинок, тут же пойманные солнечным лучом, освещавшим заваленный мусором стол. Он пробежался рукой по незатейливому детско-

му хламу, перебирая фантики от конфет, развернул скомканный тетрадный лист, в котором под размашистыми штрихами красной ручки угадывался ожесточенный морской бой – признак скуки на уроках.

– Да поэтому нельзя сделать выводы, – Андрей бросил на стол мятый листок и повернулся к молчащему Борису.

Тот, облокотившись о косяк, внимательно наблюдал за потугами стажера. Во всей его позе, в бесстрастном выражении лица Андрей угадывал насмешку.

– Не нужна никому, – подытожил Борис. – В лучшем случае сбежала, в худшем – валяется в какой-нибудь сточной канаве обдолбанная.

Он приоткрыл дверь, за которой так и стояла мамаша. При виде Бориса она засуетилась и ринулась внутрь, но он преградил ей путь.

– Сына позови, – коротко сказал он.

– Витька, – гаркнула женщина. Тут же, словно из ниоткуда, выросла шуплая фигура в грязной майке. Мамаша подтолкнула чадо к Борису и замерла, глядя ему в глаза.

– Заходи, – Борис отошел, пропуская мальчика в комнату. Взглядом остановил мать, которая снова попыталась войти, и закрыл дверь.

– Ну, Витька, сестре помочь хочешь? – он присел на корточки, держа парнишку за плечо. Тот же, видя, что опасности нет, приосанился и на полном серьезе сказал:

– Говори, че надо.

– Ты же наверняка знаешь, где сестра свои «богатства» хранила?

Вопрос Бориса пробудил в Витьке сомнения.

– Тебе зачем? – с вызовом спросил он, щуря глаза.

– Нет, ну не знаешь, я мать спрошу, – Борис поднялся на ноги, возвышаясь над мальчишкой чуть не на метр.

Пацан фыркнул и направился к шкафу. Открыв дверь, он, как обезьяна, ловко перебирая руками и ногами, быстро полез по полкам вверх. Остановившись на последней, он, высунув от усердия язык, принялся шарить по шкафу рукой. Уже через минуту он спускался вниз, ловко помогая себе одной рукой. Другая была занята жестяной коробкой, судя по рисунку, от новогоднего подарка.

– Вот, – он протянул коробку Бисаеву и поправил съехавшие трико. – Она думала, я не знаю, – Витька ухмыльнулся, но тут же посерьезнел. – Вы точно ее найдете? – заглядывая мужчине в глаза, спросил он.

– Обещаю, сделаю все, что от меня зависит, – ответил Борис и, присаживаясь на край Светиной кровати, открыл коробку.

Он перебирал указательным пальцем нехитрые детские сокровища: блестящая заколка с парой выпавших камней, бусы, дешевые сережки, пара потемневших от времени полароидов.

– Это кто, знаешь? – спросил он у Витьки, показывая фото.

– Так хахаль это ее – Валерка Хрыч из десятого «В», – презрительно усмехнулся Витька.

– Прямо-таки хахаль? – с недоверием переспросил Борис.

– Так все знают, что она обжималась с ним, – осклабилась мальчишка, с детским презрением рассказывая подробности личной жизни сестры.

– А как нам найти этого Валерку Хрыча?

– Так он в соседнем доме в третьем подъезде живет, – Витёк кивнул в сторону окна, указывая на соседнюю девяти-этажку. – Только квартиру я не знаю.

– А фамилия у Валерки есть?

– Так Седов, – ответил Витёк и снова стал похожим на маленького растерянного мальчика.

Бисаев кивнул стажеру. Тот достал из кармана плаща блокнот и стал записывать.

– Вить, а не находил ты в последнее время, вот с пропажи сестры, чего-нибудь необычного? Может, игрушка новая или еще чего? – Борис внимательно смотрел мальчишке в глаза, и судя по тому, как тот напрягся, он явно пытался решить какую-то дилемму. – Вить, – Борис взял мальчика за руку, и тот поднял на него тяжелый недоверчивый взгляд.

– Ладно, – выдохнул он и с неохотой полез под матрас.

Через минуту он развернулся к Борису с небольшой деревянной коробкой в руках, похоже, с его сокровищами. Он несколько секунд помедлил, а потом сел рядом с Борисом на кровать сестры и, открыв коробку, выудил оттуда игральную

кость. Она была гладко отполирована и блестела в раскрытой ладони мальчика.

Андрей заметил, как Борис мгновенно напрягся. Он протянул руку, но медлил, словно боялся дотронуться до кубика, а потом аккуратно взял его двумя пальцами и медленно повернул из стороны в сторону. Лицо его помрачнело, он зажал кость в кулак и серьезно посмотрел на Витьку.

– Можно я возьму ее на время? Я верну, обещаю, – добавил он, видя болезненный испуг на лице мальчишки.

– Ладно, – обреченно махнул рукой Витёк, закрыл коробку и быстро спрятал ее на место.

Обратно в управление ехали молча. В голове Юдина теснились с десятков вопросов относительно того, что же все-таки произошло в квартире пропавшей Светы. Но Бисаев молчал, напряженно глядя на дорогу. Андрей кусал губы, решая, как бы лучше начать разговор. Наконец он не выдержал:

– И что это за игральная кость? – он развернулся в полкорпуса к Борису, чтобы тот не сделал вид, что не расслышал.

Борис неопределенно дернул плечом, продолжая смотреть вперед. Ни один мускул на его лице не дрогнул, и Андрей поднажал:

– Кубик дорогой. Судя по всему, из слоновой кости, – попытался рассуждать он, но и после паузы Бисаев не ответил. – Я могу помочь, – как последний аргумент, выложил Юдин, снова развернувшись к Борису. – Свежий взгляд...

Вы же узнали этот кубик, – не унимался Андрей. – Что это?

Завизжали тормоза. Андрей едва успел упереться рукой в торпеду, чтобы не разбить себе нос.

– Черт, – потирая ушибленное запястье и непонимающе глядя на наставника, ворчал он.

– Приехали, – отрезал Борис, дожидаясь, когда стажер выйдет из машины.

Андрей с недоумением посмотрел на него.

– Приехали. Чего непонятного? Рабочий день кончился. Я, Юдин, как все нормальные люди, тоже имею право на отдых. Выметайся, – он брезгливо махнул рукой, и Андрею ничего не оставалось, как выйти.

Не успел он захлопнуть дверцу, как старенький чероки присел и, шлифуя колесами по асфальту, сорвался с места. Его габаритные огни тут же растворились в потоке машин.

– Козел.

Почти неделю Андрей разбирался со скопившимися у майора делами. Навел порядок в сейфе для документов, заполнил журналы учета, систематизировал отчеты. Каждый раз, когда Андрею уже мерещился конец этой бесконечной бумажной волокиты, опять всплывало какое-нибудь дело, отлеживающееся в самом неожиданном месте.

Заполнив два больших стеллажа менее важными бумагами, Андрей как раз раздумывал, куда бы ему пристроить оставшиеся лежать под батареей папки. В темном углу спра-

ва от окна стоял еще один длинный узкий шкаф со стеклянной дверцей, явно выбивающийся из общей картины кабинета следователя, больше похожего на зал ожидания Московского вокзала. Андрей оценивающе окинул взглядом содержимое шкафа в виде трех толстых папок, занимающих часть средней полки. Взялся за ручку. Закрыто.

Стажер залез в стол начальника и быстро оглядел содержимое: пустые банки из-под пепси, несколько начатых пачек сигарет, новехонькая, еще в целлофановой упаковке пачка презервативов. Андрей взял ее в руки и тут же брезгливо положил на место. Ключа не было. Чувствуя смущение оттого, что влез на чужую территорию, Андрей быстро оглядел остальное и задвинул ящики. Раздосадованный неудачей, он огляделся вокруг, кусая губы в привычном приступе нервного возбуждения. Он медленно крутанулся на месте, выискивая глазами места, где можно спрятать ключ. Ничего.

Замок был стандартный, а это значит, ему просто нужно найти точно такой же шкаф и побыстрее. Управление наверняка закупает мебель централизованно, значит, с этим не должно возникнуть проблем.

Андрей, несмотря на свой ум и два красных диплома, один из которых был по психологии, общаться с людьми избегал. Тем не менее загадка заставила его пренебречь правилами и выйти из кабинета, в котором он прятался уже неделю. Конечно, под благовидным предлогом систематизации и упорядочения того хаоса, который развел у себя в делах май-

ор Бисаев. Что при рвении и амбициях Андрея было само по себе унижительно.

Заглянув в первый же открытый кабинет, Андрей увидел похожий шкаф. И ключик в замочной скважине имелся. Он мельком взглянул по сторонам и, не теряя времени, устремился к заветному ключу.

– И тебе не хворать.

Эта фраза настигла Андрея прямо посреди кабинета, на-дежно пригвоздив к месту. Он медленно обернулся. В даль-нем углу, за одним из стеллажей, сидел пожилой мужчина в штатском и внимательно смотрел на него.

– А я... Хотел попросить. Я вас не заметил, простите, – Андрей взял себя в руки и развернулся к мужчине. – Добрый день, – он на мгновение замялся, – я стажер, – добавил он.

– Стажер, говоришь? И чего ты, стажер, хотел?

– Я могу позаимствовать ключ от вашего шкафа? Он очень похож на тот, которым закрыт шкаф в кабинете май-ора Бисаева. Я разбираю дела и, в общем, один из шкафов практически пустой, я хотел сложить в него кое-какие пап-ки, – закончил он.

Мужчина выпрямил спину.

– Я бы на твоём месте не трогал этот шкафчик, – сказал он и снова вернулся к писанине.

– Почему?

– Видишь ли, в этом шкафчике лежит дело, которым он занимается почти два года. Я не думаю, что он позволит те-

бе его открыть, — снова оторвавшись от заполнения бумаг, пояснил он.

— Какое дело? — настаивал Андрей.

Видя, что стажер не отстанет, мужчина отложил ручку и пристально посмотрел на Андрея. После паузы он все же продолжил:

— Дело его дочери.

— Дочери? Я не знал, что у него есть дочь, — ответил вконец растерявшийся Андрей.

— Так и есть. Послушай, я не думаю, что я — тот, кто должен ввести тебя в курс дела. Спроси его сам. Но в его шкафчик я бы на твоём месте не совался.

Он снова принялся что-то писать и судя по энергичности, с которой ручка выписывала кренделя в графах отпечатанного листа, Андрей понял, что разговор окончен. Он неловко переступил с ноги на ногу, словно не решаясь сделать шаг, а может быть, ждал, что мужчина передумает и просветит его насчет этого загадочного дела, но тот, похоже, ушел в работу с головой, и Андрею ничего не оставалось, как ретироваться.

Вернувшись в кабинет, он снова подошел к шкафу. Замок был хлипкий, но нарываться на неприятности Андрей не хотел, поэтому решил пойти другим путем.

— Чем занимаешься, стажер?

В кабинет вошел Бисаев, похоже, в прекрасном расположении духа. Он со всего маху шлепнул папкой о столешницу и плюхнулся на стул.

– Так, дела разбираю, – уныло ответил Андрей. Он отставил чашку с только что заваренным кофе на подоконник и выпрямился на стуле.

– Свету Николаеву помнишь? – разглядывая кислую физиономию стажера, спросил Борис.

– Конечно, – тут же приободрился Юдин, предвкушая настоящее задание.

– Парнишку ее – Хрыча?

– Так точно, товарищ майор. Валерий Седов, живет в доме напротив, в третьем подъезде, квартиру мальчик не вспомнил, – отчеканил Юдин.

– Короче, ноги в руки и бегом к этому Хрычу. Узнай, где, когда, при каких обстоятельствах он видел Свету в последний раз. Про ее увлечения спроси. В общем, прояви смекалку, ну и о том, чему в Академии учили, не забывай, – напутствовал новичка Бисаев.

Андрей, проигнорировав снисходительность, присущую тону шефа, соскочил со стула, схватил с вешалки плащ, сумку и наконец покинул опостылевший кабинет.

Оставшись один, Борис вмиг посерьезнел. Он медленно поднялся со стула и, приподняв портрет Феликса Эдмундовича, достал ключ. Вытащив из шкафа одну из папок, снова вернулся за стол. Прежде чем сесть, он вытащил из кармана джинсов игральную кость, переданную ему на время Витькой, и положил ее пакет для сбора улики, к двум таким же. Он

в задумчивости перебирал кубики через пластик, не столько разглядывая их, сколько раздумывая. Он был уверен, кубик непростой и точно имеет отношение к делу «Игрока». Когда пропала Аня, Борис нашел точно такой же на пороге, под ковриком. Спрятал, гад, чтобы кто другой не взял.

И на этот раз экспертиза показала, что кубик сделан из человеческой кости. Но это не Аня. С облегчением подумал Борис. Он понимал, что тешит себя пустыми надеждами. Прошло почти два года. Ани, скорее всего, уже нет в живых. Он топчется на месте. У него нет зацепок, кроме путаных показаний свидетелей и игральных кубиков, найденных им на месте каждого преступления. Борис не понимал их назначение. Но точно знал, что это ключ к мотивации преступника. Зачем-то же он эти кости подбрасывает? Делает их сам? Такое не доверишь никому. Борис проверил всех чучельников, умельцев, врачей, что имеют доступ к трупам. Ни-че-го. И это удручало. Он даже не понимал, сколько времени маньяк держит свои жертвы живыми. Грешным делом Борис даже подумывал, окажись эта кость Аниной, у него бы появилась точка отсчета. Но и здесь ему не везло.

На первый взгляд, это были обычные игральные кости. С шестью гранями и разным количеством точек на каждой. На кубике, что передал ему Витька, точки были на трех гранях. Всего их было пять. На кубике, оставленном после похищения Ани, — одна. Он подкидывает игральную кость на место похищения новой жертвы, сделанный из кости предыдущей?

Точки на гранях обозначают количество жертв? Значит, Аня была второй, Таня Матвиенко – четвертой, Света Николаева – шестой? Значит, кубик из Аниной кости сейчас лежит где-то и ждет, пока он отыщет его.

Борис запрокинул голову на подголовник и закрыл глаза. Он отслеживал все похищения подростков от четырнадцати до восемнадцати лет. Но ни на одном месте преступления кубика не было. Конечно, он мог потеряться, его попросту не заметили, не придали значение. Он снова выпрямился на стуле, достал из одного из файлов карту и развернул на столе. Красными точками были обозначены места пропажи девочек. Может быть, он слишком сузил поиски, и преступник обитает на большей площади? Если так, он может промышлять где угодно.

Глава 3.

Остывающий вечерний воздух все еще источал запах нагретого за день асфальта. Заходящее за соседние девятиэтажки солнце отбрасывало на дорогу длинные тени. Андрей, легко перескакивая через темные участки, не спеша шел вдоль улицы Слободской в сторону дома. Машину он оставил рядом с управлением и решил пройти пешком. Его все больше затягивало дело Светы Николаевой, особенно после встречи с ее парнем. Он спешил поделиться полученной информацией с Борисом Сергеевичем, но к тому времени тот уже ушел домой.

Дойдя до угла Слободской и Ломоносова, Андрей решил срезать через городской парк. Он снова вспомнил про игральную кость, что Витька отдал Бисаеву. Что это за кость и какое отношение имеет к делу его дочери? Андрей пытался строить догадки, но все они рассыпались из-за огромного количества дыр в имеющейся у него информации. А скорее, почти полном ее отсутствии. Он обогнул озеро и невольно остановился, глядя, как дети кормят уток. Желудок заурчал при виде еды. Андрей только сейчас вспомнил, что, кроме чашки кофе, с утра ничего не ел. Над озером слышались зычные выкрики «рыба» и удары костяшек домино. В тени березовой аллеи сидел одинокий старик. В позе роденовского

мыслителя застыл он над шахматной доской.

– Здорово, дядя Семен.

Увидев Андрея, старик улыбнулся и поднялся ему навстречу, протягивая для приветствия сразу обе руки.

– Андрюша! Пришел партеечку доиграть? – с лукавым прищуром поинтересовался старик, доставая из холщовой авоськи, лежащей на земле у его ног, еще одну шахматную доску. – Ты же помнишь, мой слон угрожает твоей королеве.

– Дядя Семен, давай в следующий раз, – взмолился Андрей, глядя, как старик расставляет по местам фигуры, и они мелко дрожат, занесенные над игровой доской, прежде чем занять свое место.

– Да брось. Удели старику несколько минуточек. Порадуй.

– Ну если только пару ходов.

Андрей устроился на пенке напротив и, обхватив руками подбородок, нахмурил брови, глядя на расклад фигур.

– А мне больше и не нужно. На этот раз тебе не выкрутиться.

– Это мы еще посмотрим, – протянул Андрей, не отрывая глаз от фигур, просчитывая все возможные варианты. «Атака или оборона?»

Юдин видел, что дед ошибся, делая ход, и, конечно, чтобы порадовать старика, должен был поддаться. Что ему стоило? Но охотничий запал не давал его воспитанию проявить почтение к старости, и Андрей уверенно передвинул свою пешку вперед.

– Шах и мат! – торжествующе сказал Андрей, щелчком пальцев сбив неприятельского ферзя.

– Да как же так? – недоумевал старик, пялясь на поверженного короля. – Чертова пешка. Никогда не ждешь от нее опасности, а оно вон как выходит, – он разочарованно вздохнул, протягивая Андрею руку.

Большой овальный стол в генеральской квартире был накрыт к ужину. Сергей Николаевич Юдин восседал во главе стола. Его жена – маленькая, улыбчивая женщина, суежилась рядом, заканчивая сервировку. Завидев входящего в двери гостиной Андрея, она с корзинкой хлеба в руках ловко обогнула стол и чмокнула сына в щеку.

– Ты руки помыл? – спросила она, вернувшись к столу.

– Конечно, – ответил Андрей и сел на свое место слева от отца.

Пятидесяти пятилетний генерал, словно на совещании в генштабе, сидел с абсолютно прямой спиной и совершенно непроницаемым лицом. Андрею казалось, что если, каждый раз приходя домой, он так бы и оставался в своем генеральском кителе, вся его чопорность выглядела бы менее карикатурной. Такими людьми мы гордимся, когда читаем о них в книгах, но вот жить с ними под одной крышей – это испытание. Весь их нехитрый быт был подчинен уставу. Отец делал некоторые послабления матери, но что касается сына, генерал был неумолим, воспитывая в нем настоящего муж-

чину. Но воспитал лишь такого же социопата, как он сам, с непомерным чувством долга и отсутствием друзей.

– Как тебе работается с Бисаевым? Не разочаровался? – отец на мгновение поднял глаза от тарелки и взглянул на сына.

– Нет. Почему я должен был разочароваться?

– Ладно.

Вместо голосов снова заговорили столовые приборы.

– Ты знал, что у Бисаева была дочь? – вдруг спросил Андрей.

– Почему была? – вилка с ножом снова застыли над тарелкой, и генерал внимательно посмотрел на сына.

– Я не знаю, с ней же что-то случилось? – Андрей понимал, что лучше спросить об этом в отделе, но не хотел слухов, которые непременно докатятся до Бисаева.

– Почему у него не спросишь?

Андрей знал: отец не любит сплетен, и сейчас пытался оправдать свой интерес.

– Думаешь, он расскажет мне? – совершенно искренне поинтересовался он и так же, как отец, начал медленно нарезать ножом стейк у себя в тарелке.

– Его дочь пропала полтора года назад, – после небольшой паузы ответил Сергей Николаевич.

– Сбежала?

– Сам как думаешь? – спросил отец, бросив на сына беглый взгляд.

– Думаю, нет. Судя по размеру дела, которое он завел.

– Не лезь туда, – отрезал генерал. – Не бреди чужие раны.

– Но у него есть теория, – не унимался Андрей.

– Теория есть, – ответил отец. – Но не все теории до добра доводят. Бисаева, по крайней мере, не довели. И вообще, почему это тебя так интересует?

– Просто интересно, – отмахнулся Андрей.

– Просто интересно! – понизил голос отец. – Криминалистика – это наука, основанная на совокупности улик. У Бисаева нет ничего, чем бы он мог подкрепить свои слова. А понять его нетрудно. Надежда. Она лишила его рассудка, – костяшки пальцев, которыми отец сжимал столовые приборы, побелели.

Андрей замолчал. Во рту разлагались трупы несказанных слов. Лицо его покраснело от усердия, с которым он старался сохранять видимое спокойствие. На отца он старался не смотреть. Но на помощь, как обычно, пришла мама. Она сначала осторожно, потом все более уверенно начала интересоваться его делами на работе. И скоро напряжение за столом сошло на нет.

Перед тем как лечь спать, Андрей долго стоял у окна и смотрел на покрытую пухом землю, и почему-то вспомнил, как мальчишкой с завистью наблюдал за тем, как местная шпана жгла тополиный пух спичками. Как огонь мгновенно разбежался по сторонам, образуя на земле выжженный ровный круг. Ему захотелось бросить спичку в центр этого се-

ровато-белого ковра и смотреть на то, как огонь молниеносно сожрет все вокруг.

Борис сидел на диване в гостиной и слепо пялился в пустоту. Он все чаще в последнее время чувствовал меланхолию. Никогда раньше не замечал за собой тягу к запоминанию дат. А сейчас они, словно зарубки, невольно начинали ныть в его душе одиночеством. Сегодня два года с момента, когда Аня появилась на пороге его дома.

В комнате стоял полумрак: ни один луч закатного солнца не мог пробиться через плотно задернутые портьеры. Погруженный в свои мысли, Борис скользил взглядом по фигуркам оригами, составленным на длинной узкой полке над телевизором. Мерцающий свет от экрана освещал их угловатые контуры, отбрасывая на стену длинные пугающие тени.

– Опять ты эти дурацкие фигурки мастеришь? Лучше бы посуду за собой убрал, – звеня пустыми бутылками, ворчала Аня.

Она посмотрела на него с ненавистью. Борису на мгновение стало страшно. Он отложил газетный лист обратно на стол.

– Во сколько ты вчера пришла?

– А тебе не пофиг? – огрызнулась она, и, еле уместив посуду в обеих руках, вышла из гостиной.

– Не смей со мной так разговаривать, слышишь. И вернись, будь добра.

Из кухни донесся звон ссыпающихся в раковину тарелок и в дверях снова появилась Аня. Ее фигура застыла в немом вопросе: «Что еще?» Она то и дело сжимала в руке губку для мытья посуды, с вызовом глядя на Бориса. Он почувствовал какую-то душную слабость, невозможность противостоять этой маленькой женщине, грозно застывшей в дверях его еще недавно холостяцкой берлоги.

– Пока ты живешь в моем доме, будь добра слушаться, – выпалил он, задетый ее пренебрежением. Это была самая идиотская фраза из тех, что крутились в голове. И чтобы хоть как-то прикрыть собственную некомпетентность в вопросах воспитания, строго добавил: – Поняла?

– Поняла, – с тем же вызовом бросила ему в лицо дочь и демонстративно вернулась на кухню.

До воспаленного слуха Бориса еще долго доносился нарочито громкий перезвон посуды и хлопанье дверей шкафов. Каждый новый звук – выверенный и точный, бил по его самолюбию, вызывая невольное чувство вины.

Не выдержав, он поднялся с дивана и вышел из квартиры, громко хлопнув дверью – поставив тем самым жирную точку в визгливой какофонии затянувшейся ссоры.

Он долго бродил по улицам, не зная, куда податься, чувствовал нервное возбуждение, которое немного успокаивал прохладный ветер и быстрое движение. Назад он повернул, лишь когда окончательно продрог в сырых непроглядных осенних сумерках.

В квартире было тихо. Он аккуратно повесил куртку на вешалку, кроссовки встали в ряд с изящными сапожками и ботиночками.

Проходя мимо комнаты дочери, он остановился и прислушался. После секундного раздумья приоткрыл дверь и, видя, что она уже спит, вошел. Девочка спала, чуть слышно сопя в темноте. Свет, что ворвался вместе с ним из коридора, очертил ее хрупкую фигурку, лежащую на кровати с раскинутыми в стороны руками. Рядом лежал телефон, на котором чуть слышно играла музыка. Борис поднял его и, отключив, отложил на стол, а потом долго разглядывал лицо дочери. Расслабившись во сне, оно казалось ему совсем детским. Длинные каштановые волосы рассыпались по подушке, к кончику носа прилипли несколько волосинок и каждый раз, когда она выдыхала, трепетали в потоке воздуха, от чего она смешно морщила нос.

Она была удивительно похожа на свою мать. Он встретил Марину в длинных коридорах Академии и моментально влюбился. Сразу понял, что пропал. Совершал какие-то идиотские поступки, пытаясь завоевать женщину своей мечты: унижался, носил ее сумку, дежурил у подъезда с цветами. Наконец эта надменная красавица дрогнула и сдалась.

Они поженились. Почти сразу родилась Аня. И так же стремительно, как когда-то он хотел ее покорить, он стал тяготиться ей. Она начала его раздражать. Теперь ее роскошные каштановые волосы были собраны на макушке в небреж-

ный пучок. Талия расплылась, а на лице появилась печать усталости и безразличия. Какое-то время он пытался бороться с этими мыслями, убеждал себя, что надумывает. Пройдет год, и Марина снова расцветет. Но прошел год, два, три – ничего не изменилось. Он чувствовал себя похороненным с ней в одном гробу, вместе с планами и мечтами. Чувствовал, как ему тесно, как ему катастрофически не хватает воздуха. Он стал пропадать на работе, потом задерживался с друзьями, и в конце концов она не выдержала: собрала ребенка, вещи и ушла. Вместо угрызений совести Борис почувствовал облегчение. И в моменты, когда на него вдруг наваливалась тоска, он сдерживал себя, предпочитая топить ее в алкоголе или под завалами работы. Возможно, он не создан для семьи? Но сейчас, глядя на спящую дочь, чувствовал странное томление. Может быть, это всего лишь чувство вины?

Он осторожно убрал от ее лица мешающую прядь, расшнуровал и один за другим снял с ее ног кроссовки, поставил их возле кровати и, накрыв ее пледом, вышел.

Борис похолодел. Растревоженная память пробудила в нем одиночество. Цепляясь острыми когтями отчаянья, оно поползло по позвоночнику, вызывая желание закричать. Резкий звук дверного звонка вмиг привел его в чувства. Он с облегчением провел руками по волосам и пошел открывать.

На пороге как ни в чем не бывало стояла Лариска. Она несколько секунд рассматривала его напряженное лицо.

– Соли дашь? – она вытащила из-за спины небольшую

чашку и протянула ее Борису. – Эй. Соли, говорю, дашь? – щелкнула пальцами у его лица, привлекая внимание.

– Возьми, – уступая ей дорогу, ответил Борис и не спеша вернулся в гостиную.

Через минуту в гостиной появилась Лариска. Она включила свет, окончательно распугав призраков, и они снова вернулись в свои темные углы, дожидаясь нового повода разбередить его душу.

– Все хорошо? – спросила она, присаживаясь рядом.

– Все хорошо, – бесцветно ответил Борис в пустоту перед собой.

Сладкий запах ее духов будоражил его. Он проникал в него, вытесняя то острое чувство одиночества и странной душевной слабости, которые появлялись каждый раз, стоило ему вспомнить дочь. Борис положил руку на ее колено. Ладонь заскользила по ее ноге. Он наблюдал, как коротенький шелковый халатик ложится на руку мягкими складками, обнажая упругое бедро. Он слышал усмешку в ее дыхании, во всей ее позе, в воздухе вокруг, но сейчас ему хотелось одного – поглубже зарыться в мягкую плоть, пряча в ней свое одиночество.

Борис старался как стахановец у станка. Пытаясь забыть-ся, он рычал, неистово вбиваясь в горячее податливое тело. А Лариска, млея, запускала тонкие длинные пальцы в его растрепанные мокрые волосы, сильнее прижимая к себе.

Стучал по батарее разбуженный шумом сосед. А с утра

в подъезде на первом этаже появилась надпись: «Лариска шлюха». Она, как транспарант, занимала всю стену напротив лестницы и была отлично видна даже тем, кто пользовался лифтом.

– Это Сашка из тринадцатой, – фыркнула Лариска. – Ник как забыть не может, – она рассмеялась и, легко сбежав по ступеням, выскочила на улицу.

Глава 4.

– Вам же никто не верит. Все думают, что вы пытаетесь оправдаться, – Андрей тяжело дышал, вцепившись взглядом в Бисаева, который никак не реагировал на его слова, продолжая заполнять бумаги. – Я вам верю.

Борис наконец поднял глаза. Его ручка застыла над наполовину исписанным листом. Андрей понимал, у него секунд двадцать, чтобы убедить его.

– Я верю, что ваша дочь не просто убежала из дома. Я верю, – с нажимом повторил он, – что где-то есть человек, повинный в ее исчезновении, так же, как и то, что я могу вам помочь его найти. Я изучал криминальную психологию. Мне нужно только взглянуть на дело. И немного времени, – добавил он.

– А мне нужна тишина, – устало произнес Борис, и снова ручка закрипела по листу.

– Вы даже не дали мне шанса. Чем моя теория хуже вашей? Пара точек на карте и несколько кубиков в мешочке – вот весь ваш результат. Разве нет?

– Ты, Юдин, не забывайся, – угрожающе понизив голос, ответил Борис. Он отложил ручку и развернулся в полкорпуса к Андрею. – Это не теория, как ты выразился, а метод. Метод проверенный, в отличие от твоих домыслов.

– Да поймите же вы, за границей этот метод уже давно используется для ловли особо опасных преступников. Тех, чьи действия не подпадают под классификацию обычных преступлений. Судя по кубикам, это серийник. Если серийник, значит, у него есть свой почерк. Своеобразный ритуал.

– Я знаю, что такое почерк, – огрызнулся Борис.

Он откинулся на спинку стула и с мрачным видом прикурил. Отшвырнув зажигалку на стол, выдохнул струю дыма, что заволокла все пространство между ними, но Юдин видел, что Бисаев внимательно на него смотрит.

– Даже из скудных улик мы можем вытянуть информацию о характере преступника. И сложить из этих фрагментов психологический портрет. Увидеть становление убийцы.

– Я перелопатил все нераскрытые похищения подростков за последние пять лет, – небрежно стряхивая пепел, ответил Борис. – Ничего. Глухо. Тупик, – он встал со стула, с силой вмял окуроч в пепельницу и отошел к окну. Заложив руки за спину, равнодушно смотрел на серый пейзаж за окном. – Знаешь, Юдин, иногда я ловлю себя на мысли, что хочу просто определенности, понимаешь?

Он обернулся. Андрей невольно поежился, увидев печать какой-то страшной предопределенности на его потемневшем лице.

– Борис Сергеевич, вы ничего не теряете, если позволите мне помочь вам, – тихо сказал Андрей. – А вдруг.

– Вдруг, – усмехнулся Борис, словно опомнился, вспоми-

ная свой сволочной характер. – Вдруг, Юдин, даже кошки не рождаются. Ладно, хорош трепаться. Нужно еще свидетеля по делу об ограблении ювелирного опросить.

Одним быстрым движением он захватил со стола сигареты и зажигалку и быстро направился к двери.

– Ты идешь? – обернулся он к продолжающему сидеть Андрею.

Тот подскочил с места и бросился следом.

На улице было пасмурно и мерзко. Утренний дождь принес с собой похолодание, воздух наполнился холодной дождевой пылью. Юдин поежился под своим тоненьким пиджачком, который, недодумав, надел с утра, надеясь, что к обеду распогодится. Борис подошел к машине, но вместо того, чтобы разблокировать замок, снова достал сигарету и прикурил. Щуря от дыма правый глаз, он с молчаливым высокомерием наблюдал за озябшим Андреем.

– Знаешь, в чем твоя проблема, студент? – начал он, ткнув в сторону Юдина рукой с сигаретой. – У тебя полная башка знаний и совершенно нет опыта. А я уже пятнадцать лет работаю и такие случаи видел, ни под какой профиль не загопишь. Знаешь, как в одном фильме сказали: «Что немцу хорошо, русскому – смерть!» Между прочим, нашим, – назидательно подняв указательный палец, закончил Бисаев. Он с размаху бросил окурок себе под ноги и растер его ногой.

– Этой своей крутизной вы лишь хотите прикрыть собственные слабости. Просто хорошо отрепетированный му-

дацкий трюк, – глаза Юдина сверкали несвойственной ему решительностью.

– Че ты сказал? – с угрозой переспросил Борис, надвигаясь на оппонента твердо и неуклонно. – Трюк? Я тебе сейчас еще один трюк покажу, недомерок.

– Я вас не боюсь, – срывающимся от напряжения голосом выпалил Андрей и закружил по асфальту в боксерской стойке, неуклюже выставив вперед кулаки.

– Ты ж, мать твою, реально решил мне навалить? – усмехнулся Борис.

– Не сомневайтесь, – процедил сквозь зубы Андрей. И раньше, чем Борис успел заметить реальную опасность, врезал ему по носу.

От неожиданности отпрянули оба. Андрей бледный, как простыня, смотрел на вязкую струйку крови, что потекла из разбитого носа шефа. Борис, который уже намеривался обернуть все в шутку, недоумевающе пялился на парня с явным желанием ответить за столь унижительный пассаж.

– Я... я, не хотел. Я... Вот, возьмите, – Андрей полез обеими руками в карман брюк, пытаясь вытащить оттуда носовой платок. Наконец ему это удалось, он так и застыл с протянутой рукой. Желваки на лице Бисаева напряглись, во взгляде читалась угроза. Андрею хотелось отдернуть руку, но он не мог пошевелиться.

Борис рывком выдернул из его руки платок и прижал к разбитому носу.

– Еще раз такое выкинешь, я тебя в куски покромсаю, понял? А теперь садись.

Стажер быстро кивнул и, обогнув капот, сел на переднее сидение.

Мотор взревел, машина, шлифуя по асфальту, пару раз вильнула из стороны в сторону и сорвалась с места.

Опрос свидетеля прошел нервно. Борис был немногословен и все время курил, чем явно раздражал свидетеля. Тот кривил рот, демонстративно прикрываясь рукой. Однако Бисаева его театральные ужимки не впечатлили, и он продолжал задавать вопросы с садистской неторопливостью. Андрей, сидевший на противоположном конце стола в кабинете ограбленного ювелира, в разговор не вступал, лишь записывал.

– Что, ненавидишь меня, – с улыбкой спросил Борис, когда они наконец вышли на улицу. – За границей, говоришь, используют?

– Так точно, товарищ майор.

Андрей повернулся к Бисаеву, наблюдая, как тот рассматривает первые вечерние звезды.

– Ну что ж, твой хук заставил меня пересмотреть отношение к твоей теории, – он посмотрел, наконец, на стажера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.